

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК
ИСТОРИИ
МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЫ

МАЙ – ИЮНЬ

1958

3(9)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

БЕССМЕРТНОЕ ТВОРЕНIE ИНДИЙСКОГО НАРОДА (К выходу в свет русского перевода «Бхагавад Гиты»¹)

Н. П. Аникеев

Каждый народ хранит в своем духовном наследстве памятники человеческой мысли, которые ему особенно дороги, святы и служат постоянным источником вдохновения и поддержки. Среди них имеются творения, получившие всеобщее признание, ибо они поднимают вопросы, волнующие всех людей во все эпохи их существования. К числу таких творений принадлежит бессмертное произведение индийского народа «Бхагавад Гита» («Песнь Божества»), считающаяся священной в Индии. «Бхагавад Гита» — настольная книга каждого грамотного индуза, содержание которой известно всем индийцам. В 1956 году «Бхагавад Гита» впервые появилась на русском языке в переводе с санскритского оригинала, осуществленном академиком Б. Л. Смирновым. Этот перевод является плодом его более чем 20-летней работы над текстом. Перевод снабжен обширным введением, анализирующим содержание книги, и обстоятельными филологическими комментариями текста.

«Бхагавад Гита» представляет собой одну из частей шестой книги («Бхишма Парва») обширного эпоса индийского народа «Махабхараты», которая насчитывает 18 книг и около 100 тысяч шлок (двустиний), превосходя «Илиаду» и «Одиссею» почти в 8 раз. Размеры же «Бхагавад Гиты» по сравнению со всей «Махабхаратой» крайне незначительны, всего 700 или в другом варианте 750 шлок. И тем не менее вряд ли можно назвать еще какое-либо произведение духовной культуры Индии, с которым была бы связана такая обширная литература как в самой Индии, так и за ее пределами.

С. Радхакришнан пишет, что «...если судить о значении книги по тому влиянию, которое она оказывает на человеческие умы, то «Гита» будет самым значительным произведением в истории развития индийской мысли»². Характер описываемых в эпосе событий свидетельствует о том, что они относятся к тому периоду, когда на территории Индии происходило крушение первобытнообщинного строя, т. е. к периоду 9—6 вв. до н. э.

В Индии «Гита» комментировалась чуть ли не со времени ее возникновения, но из дошедших до нас комментариев наиболее ранним остается ком-

¹ «Махабхарата. II. Бхагавад Гита». Буквальный и литературный перевод. Введение и примечания академика АН ТССР Б. Л. Смирнова. Издание Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад, 1956, стр. 77 + 280.

² Радхакришнан С., «Индийская философия», т. I, И. Л., М., 1956, стр. 442.

ментарий Шанкары (8 в. н. э.). К «Гите» обращались за аргументацией, в ней искали оправдание своим взглядам и теориям идеологи и мыслители самых разных эпох и, что не менее характерно, подчас самых разных и даже противоположных взглядов. В новое время авторитетом «Гиты» обосновывали свои учения такие далекие друг от друга по своим взглядам мыслители, как Рамакришна и Даянанда Сарасвати, Вивекананда и Ауробиндо Гхош, Тилак и Ганди. Поистине неизбрима научная и популярная литература об этом произведении. Достаточно сказать, что почти каждый историк индийской духовной культуры считал своим долгом посвятить «Бхагавад Гите» либо исследование, либо же дать ее перевод. Правда, не все работы о «Гите» являются одинаково ценными в научном отношении, многие из них, не говоря о просто компилятивных и бездарных публикациях, представляют интерес, главным образом, в плане сенсационном. Так, в 1953 г. одно из южноиндийских религиозных обществ («Шуддха Дхарма Мандала») опубликовало свой текст «Гита», значительно отличавшийся от известного научного текста, но объявленный единственным и оригинальным вариантом «Гите». Это утверждение базировалось на такой версии: еще в глубокой древности Кришна Двойпаяна Вьяса составил «Махабхарату», но соседние брамины, обуреваемые злой и предрассудками, ворвались в его пещерную обитель и разбросали все листы с записью поэмы; один из учеников Вьясы собрал эти листы, восстановил первоначальный вариант «Махабхараты», в том числе и «Бхагавад Гиты», и с тех пор он хранится якобы в архивах «Шуддха Дхарма Мандал», руководство которого только теперь сочло возможным предать его широкой гласности. Все же имеющиеся варианты «Гите» пошли будто бы от бессистемно собранных и в беспорядке составленных браминами-вандалами из оставшихся листов разбросанной поэмы Вьясы. Однако, как показали многие ученые, «истинный» вариант «Гите», вышедший из недр «Шуддха Дхарма Мандал», представляет собой просто искусную подделку³.

Однако подобного рода литература, хотя и получает иногда распространение среди широкой публики, в ученом мире всерьез не принимается. Из вышедших за последнее время в Индии исследований и переводов «Бхагавад Гиты» наиболее глубокими и основательными считаются работы С. К. Белвалкара, С. Радхакришнана и др.

На Западе «Бхагавад Гита» стала впервые известна в 1785 г., после ее перевода Вилкином на английский язык⁴. С тех пор «Гита» постоянно привлекала к себе внимание всех западных индологов, которые также внесли серьезный вклад в изучение проблем, связанных с этим памятником. В этой связи можно назвать таких ученых, как Шлегель, Лассен, Теланг, Гарбе, Михальский-Ивенский, Шредер, Гопкинс, Эджертон и др. На русском языке до сих пор не было научного перевода «Гиты» с языка ее оригинала.

Пристальный интерес во всем мире и в первую очередь, конечно, в самой Индии к этому памятнику индийской мысли объясняется прежде всего содержащимися в нем высокими идеями. Изложенные не в форме сухих абстрактных философских категорий, а в виде живых и наглядных образов высокохудожественного произведения, написанные простым и доступным языком, они близки и понятны самим широким слоям индийского народа.

³ См. Pusalker A. D., *Studies in Epics and Puranas of India*, Bombay, 1955, pp. 149—150.

⁴ Этот перевод через три года был опубликован в России на русском языке знаменитым русским просветителем Н. Новиковым (Новиков Н., *Багават-Гета или Беседы Кришны с Арджуном*, М., 1788).

Внешнее, событийное содержание «Гиты» довольно несложно. Она представляет собой беседу — диалог ее главных героев — Арджуны и Кришны. Арджуна — предводитель одного из войск, собирающихся вступить в кровопролитную битву, — полон неуклонной решимости победить своих врагов, возглавляемых его двоюродными братьями, и лишить их незаконно присвоенной ими царской власти.

Возничим колесницы Арджуны является сам бог Кришна, выступающий в «Гите» под различными синонимами — Мадхусудана, Джанардана, Дхананджая и т. д. Но в самом начале битвы Арджуну вдруг охватывает ужас и смятение; он не в состоянии понять смысла этой страшной и братоубийственной бойни, которую не могут оправдать никакие ее практические результаты — ни слава, ни власть, ни упоение победой, ни даже наслаждение жизнью:

«Их убивать не желаю, Мадхусудана, хоть и грозящих смертью,

Даже за власть над тремя мирами, не то, что за блага земные» (I, 35).

Причина этой неожиданной бури и мятежа в душе Арджуны лежит не в его страхе перед смертью, — он был храбрым и сильным воином, — а в остром чувстве ответственности за судьбу и жизнь своих близких сородичей.

«О Джанардана, после убийства сынов Дхритараштры

Что за радость нам будет? Мы согрешим, убивая грозящих оружием.

Не подлежит убивать нам кровных, сынов Дхритараштры;

Ведь погубив свой род, как можем счастливыми быть, Мадхава? (I, 36—37).

Горе, увы, тяжкий грех мы свершить замышляем:

Ради желания царских улад погубить своих кровных.

Если меня безоружного, без сопротивления, сыны Дхритараштры

Вооруженные, в битве убьют, мне будет отрадней» (I, 45—46).

Терзаемый такими мучениями и впавший в полное отчаяние от охвативших его противоречий, «с сердцем, пронзенным тоской, выронил лук он и стрелы» (I, 47). Тут вступает в разговор Кришна, поучения которого призваны разрешить эту трагедию долга и совести и дать опору человеку, пришедшему к отрицанию бесчеловечных порядков и законов жизни. Собственно говоря, в поучении бога Кришны и заключено основное содержание поэмы, именно поэтому и называемой «Бхагавад Гитой», т. е. «Песнью Божества», или «Божественной песней». Суть этих поучений сводится к тому, что все в мире строго определено в соответствии с мировым космическим законом — дхармой — первичной духовной реальностью и субстанцией мира, формой реализации которой являются все наблюдаемые явления мира. Эта первичная реальность и называется богом, то под именем Брахмы, то под именем Вишну, Кришны и т. д. Все в мире изменчиво, преходяще и не обладает истинным бытием, вечна и постоянна лишь одна эта духовная субстанция — дхарма.

«Неуничтожимо то, чем этот мир распространяет, постигни:

Непреходящее уничтожимым сделать никто не может.

Эти тела преходящи; именуется вечным носитель тела» (II, 17—18).

Поэтому не может быть даже убийства в собственном смысле этого слова, поскольку не убиваема и не уничтожима духовная основа человеческого тела:

«Он никогда не рождается, не умирает, не возникает; Он никогда не возникает;

Нерожденный, постоянный, вечный, Он, древний, не умирает, когда убито тело» (II, 20).

Если это так, получает Кришна, то нет никакого греха и в убийстве своих противников — сородичей, ибо здесь не сам человек дает предпочтение тому или иному действию, но оно определено стоящим выше его Законом,

орудием которого и выступает отдельный индивид. Истинная жизнь поэтому и состоит в добровольном подчинении этому высшему Закону и в неукоснительном выполнении его требований, определяемых общественным положением человека:

«Приняв во внимание свой долг, не нужно тебе колебаться;

Ведь лучше для кшатрия нет ничего иного, чем справедливая битва...

Если же ты справедливой битвы не примешь,

Ты согрешишь, изменив своим долгу и чести» (II. 31, 33).

Эта идея о необходимости выполнения обязанностей, вытекающих из общественного положения человека, о деятельности вообще, независимо от вызываемых ею эмоций и моральной ее оценки, является лейтмотивом «Гиты». Для его обоснования создатели «Гиты» устами Кришны выдвигают целый ряд аргументов, рассматривают ее с различных сторон, главным образом под углом зрения религиозно-этической проблематики, но в своей рациональной форме эта мысль выражается в одном из мест «Гиты» следующим образом:

«Необходимое дело свершай: лучше бездействия дело,

Бездействия, даже отправлений тела тебе не удастся исполнить» (III. 8).

Однако, пропагандируя важность активности, Кришна санкционирует и объявляет богоугодной лишь такую деятельность, которая совершается не ради ее непосредственных результатов, не ради проистекающей из нее выгоды, но бескорыстно.

«Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботясь;

Да не будет плод дела твоим побуждением, но и бездействию не предавайся» (II. 47).

Только тот человек, поучает Кришна, может считаться достигшим высшей истины, истины знания конечной реальности, т. е. бога, и слияния с ней, который находит счастье не в наслаждениях, а в самом себе, в сознании тождественности своей сущности с мировым духом, Брахмой: «Наслаждения, что от касаний возникли, — лоно бедствий:

Они преходящи, Каунтея, им не рад озаренный.

Кто может уж здесь, еще не свободный от тела, преодолеть стремленья, Рожденные вожделеньем и гневом, тот предан и счастлив,

Кто счастлив в себе, кто изнутри озарен, в себе обрел радость,

Тот, йогин, достигает сущности Брахмо, Брахмо нирваны» (V, 22—24).

Под влиянием этой проповеди Арджуна восклицает:

«Разрушено заблужденье, я получил наставление по твоей милости;

Я стоек; исчезло сомненье. Твое слово исполню» (XVIII, 73).

Таково вкратце содержание основной тенденции «Бхагавад Гиты».

При анализе «Гиты» в литературе часто говорится, что она выразила в законченном виде самые сокровенные и глубокие проблемы человеческого бытия, дала ответ на самые важные мировоззренческо-этические вопросы, возникающие в жизни каждого человека. Между тем, «Гита» прежде всего есть продукт определенного времени и среды, обусловивших ее содержание, ее идеи. Действительно, уже сам характер вопроса Арджуны о правомерности или справедливости убийства своих сородичей несомненно указывает на то, что этот вопрос мог возникнуть лишь в эпоху, когда в сознании людей еще сохраняли свою силу и незыблемость убеждения первобытнообщинного строя, где ответственность за жизнь членов рода была одним из основных его моральных устоев, а убийство считалось самым тяжким преступлением; в то же время распад рода-племенных связей и процесс образования классового общества, где кровнородственные связи уже не составляли основу экономических отношений, все чаще приводили не только к забвению норм и обычаяй родового строя, но и к прямой необходимости их нарушения. Проповедь Кришны объективно и служила для обоснования этого положения, когда «брать восстал против брата». Впоследствии, на протяжении веков,

эта проповедь необходимости выполнять обязанности, накладываемые на человека его социальным положением, использовалась идеологами господствующих классов для оправдания и сохранения сложившегося в обществе классового деления.

Однако значение «Гиты» не сводится только к тому, что она в свое время выполняла роль идеологического оружия в руках правящей верхушки. В период, когда эта верхушка выражала интересы развития всего общества и выступала против установлений старого родового строя, большое прогрессивное значение имел призыв «Гиты» к деятельности и осуждение ею пассивности, ухода от мирской жизни, к чему призывало брахманское жречество. Именно этот призыв к активности и сделал «Гиту» одним из наиболее популярных произведений индийского народа, обращавшегося к ней в минуты подъема национального движения и находившего в ней идеальное оружие для борьбы с широко распространенными в стране теориями аскетизма и отказа от общественного служения. Показательно, что даже такой индийский мыслитель, как М. Икбал, считавший идеологию ислама в противоположность индуизму наиболее адекватным выражением действенной, активной природы человека, признавал в своем предисловии к первому изданию «Асрар-и-Худи» («Секреты души», 1915) это достоинство за «Бхагавад Гитой». Он говорил, что в духовной истории человечества бог Кришна всегда будет вспоминаться с уважением и почтением, ибо эта, по его словам, великая личность в сильной и привлекательной форме выразила философские традиции своей страны и нации и показала, что деятельность неотъемлема от природы человека и составляет основу жизни⁵.

«Бхагавад Гита» не была творчеством одного автора, она создавалась в течение длительного времени, и в ней, естественно, отложились напластования различных эпох; это обстоятельство определило многогранность и многослойность «Гиты», в которой при желании нетрудно найти места, удовлетворяющие различным вкусам и взглядам. Но все же в «Гите» явно выделяется основное ядро, в котором нашли выражение идеи и мысли,ственные не только эпохе разложения первобытнообщинного строя и становления классового, антагонистического общества в Индии, но сохраняющие свое значение и свою ценность на всех последующих этапах развития как индийского, так и вообще человеческого общества, которое существует и развивается на единой материальной основе. Вместе с тем следует решительно отклонить мнение, будто анализ «Гиты» показывает существование эфемерных принципов «вечной морали», «вечной справедливости». Вместе с тем, в исторической смене различных эпох наблюдается определенная преемственность как в экономическом, так и в определяемом ею идеологическом, в том числе моральном отношении. Каждая последующая ступень развития общества удерживает в своих нравственных, моральных и этических взглядах наиболее ценные завоевания теоретической мысли предыдущих эпох, отражающие в конечном счете материальную основу общественного развития. Именно в этом процессе и возникают непреходящие материальные и духовные ценности. В моральных формах сознания человечество фиксирует эти моменты и, передавая из поколения в поколение, удерживает их в своем духовном арсенале.

Если говорить о «Бхагавад Гите» в этом плане, то, отвлекаясь от религиозного облачения ее содержания, следует отметить, что человек в ней — самоопределяющийся индивид, он не может существовать вне общества, членом которого он является и через выполнение определенных функций которого только и реализуется его бытие.

⁵ См. «The Hindustan Times», 29 oct., 1956, p. 2.

Выше уже говорилось о большом значении не только для тех времен, но и для Индии наших дней проповеди «Гиты» необходимости мирской, т. е. общественной деятельности. Идея «Гиты» о том, что в выполнении своих общественных функций человек не должен руководствоваться побуждениями корысти или личной выгоды и пользы, всегда широко рекламируется во всех исследованиях этого произведения. И действительно, по форме она носит ярко выраженный альтруистический характер, направленный против утилитарного, эгоистического отношения к своему общественному долгу, когда обязанности по отношению к обществу, общественный труд не выполняются единственно из соображений общего блага. Но в Индии того времени, когда выдвигалась эта идея, она могла означать и фактически означала не что иное, как теоретическое оправдание того положения, при котором все выгоды от выполнения общественных обязанностей, способствовавших функционированию общественного организма как целого, приходились на долю его количественно незначительной правящей верхушки, а подавляющее большинство народа фактически было лишено осознания «плодов дела» своего. И тем не менее, в этой идее нельзя не усмотреть проблесков того благородного и гуманного положения, которое при социальном строе, основанном не на частной собственности, а на собственности общественной, будет положено в основу его существования; здесь труд перестает быть единственным средством поддержания и сохранения биологического, физического существования человека, а превращается в средство выражения самой человеческой сущности, превращается в первую необходимость. В. И. Ленин в 1920 г. говорил, что в коммунистическом обществе труд будет совершаться «...не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты», не за вознаграждение, а примет характер добровольной деятельности, перешедшей в привычку, на общую пользу и станет потребностью здорового организма⁶; иными словами, процесс труда перестанет рассматриваться как средство к достижению какой-то цели, а сам превратится в самоцель.

Разумеется, в эпоху становления классового антагонистического общества в Индии о таком отношении к труду не могло быть и речи, хотя именно оно декларируется в «Гите» в качестве единственной приемлемой максимы общественного поведения. Возможно, что в идеи о незаинтересованности результатами своего труда и равнодушном к ним отношении «Гита» выразила то свежее еще в памяти людей состояние родового строя (остатки которого к тому же в классовом обществе Индии были особенно сильны), когда труд совершался в интересах всего общества; объективно же в этой идеи нашла свое выражение одна из существеннейших сторон общественного человека, которая, однако, с появлением классово антагонистических отношений превращается в свою прямую противоположность, чтобы опять возводиться, но уже на новой, высшей основе, в коммунистическом, бесклассовом обществе. И только в этом смысле можно понимать «всеобщее», «общечеловеческое» содержание морали «Бхагавад Гиты»; в классовую же эпоху ее «всеобщие» и «общечеловеческие» максимы либо оправдывали эксплуатацию меньшинства большинством, либо же оставались беспомощными и тощими нормативами, могущими найти себе приют единственно либо в бесплодных мечтаниях Маниловых, либо же в не менее безрезультивных действиях Дон-Кихотов, либо «мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»⁷.

⁶ См. Ленин В. И., Соч., т. 30, стр. 482.

⁷ Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1948, стр. 89.

Однако подобная оценка «всеобщих» и «общечеловеческих» идей «Гиты» нисколько не умаляет значимости и ценности этого творения индийского народа, как не умаляет привлекательной силы «вечных» идей искусства марксистский анализ его исторической обусловленности и его классового содержания, ибо каждое подлинно великое произведение несет в себе мечту об этой «истинной» человеческой личности.

«Всеобщие» и «общечеловеческие» нормативы любого «философского» произведения искусства свидетельствуют о том, что они не являются плодом досужего вымысла, а вековая мечта народа о них имеет реальные корни в самом существе общественного человека, приобретающего свое истинное, подлинно человеческое бытие лишь в посвящении своих способностей служению обществу, общественному организму, что, однако, может быть реализовано в полной мере только при такой его организации, когда плоды деятельности одной части населения не достаются другой, значительно меньшей его части, т. е. при коммунистическом строе.

Индийский народ внес свой вклад в разработку этого идеала «истинного человека», одним из наиболее ярких свидетельств чего является «Бхагавад Гита». Поэтому советский читатель с большой благодарностью принимает ее русский перевод академика Б. Л. Смирнова.

Нет сомнения, что появление русского перевода «Бхагавад Гиты» — событие выдающейся важности в области культурной жизни не одного только Советского Союза. Индологи всех стран мира никогда не оставляют без внимания ни одного нового перевода этого произведения на любой из современных языков, подвергая строгому и придирчивому анализу лингвистическую ценность перевода и теоретические позиции его автора. Что касается качества перевода, то он свидетельствует о величайшей научной добросовестности автора, который не только свободно владеет санскритом, но критически изучил и использовал почти все имеющиеся переводы «Гиты» на основные европейские языки. Судьей автора в этом вопросе может быть только превзошедший его. Но все же в некоторых местах понимание Б. Л. Смирновым того или иного выражения остается непонятным, или, по крайней мере, неубедительным. Так, например, выражение *prakṛti* in *svamadhiṣṭhay*^o (VI глава, 6 шлока) автор переводит как «будучи выше своей природы», хотя весь контекст и смысл самого этого изречения говорит, что здесь более правильным был бы принятый многими учеными, в том числе С. К. Белвалкаром и С. Радхакришнаном, перевод этого места как «подчинив себе свою собственную природу». Можно привести несколько аналогичных примеров, но все они будут носить характер либо равновозможных, либо спорных вариантов, в большинстве случаев оговоренных самим переводчиком.

Несколько менее основательным представляется теоретический анализ «Гиты», данный Б. Л. Смирновым в предисловии к своему переводу. Он справедливо выделяет непреходящую ценность этого памятника, говорит о нем с неподдельной, искренней теплотой, любовью и увлечением, дает всестороннее освещение его содержания, которое, несомненно, поможет читателю понять дух этого произведения. Но похоже на то, что Б. Л. Смирнов не только проник в тайны «Гиты», но даже сам проникся духом переводимого им источника, ибо зачастую он ведет его разбор с позиций временных, с эфемерным эталоном «вечной морали», «вечной справедливости», нигде не отмечает его классовой роли.

В предисловии имеется ряд спорных, а то и просто неправильных положений. Например, Б. Л. Смирнов призывает «...не забывать о своеобразном строе мысли индийцев, непривычном для европейца, но следующим своеобразным логическим законам, как это хорошо показал Щербаций в своих многочисленных изысканиях о логике индийцев...» (стр. 23—24).

Не говоря уже о том, что ссылка на Щербатского здесь не совсем уместна, следует сказать, что сама постановка вопроса о своеобразном строе индийского мышления, «непривычном для европейцев», лишена каких бы то ни было объективных оснований, ибо не кто иной, как тот же Щербатской в «своих многочисленных изысканиях о логике индийцев» проводил как раз обратную мысль и доказывал, что принципиальные линии развития индийской мысли таковы же, что и европейской, а индийская логика изучала тот же самый мыслительный процесс, что и европейская⁸. В споре по вопросу о цельности текста «Гиты», о ее датировке и т. д. автор мог бы более осторожно поддерживать позицию одной из спорящих сторон (индийских учених), ибо многие из индийских ученых выдвигают веские основания в пользу позиции западных исследователей «Гиты».

В заключение еще раз следует признать, что опубликование русского перевода «Бхагавад Гиты», несмотря на отдельные его недостатки, несомненно является большой заслугой и удачей Б. Л. Смирнова и Академии наук Туркменской ССР. Можно только пожелать вторичного издания этого труда более массовым тиражом, ибо при тираже в 1 000 экземпляров, которым выпущена книга, она не может стать доступной массовому читателю; разумеется, при этом необходимо в первую очередь устраниТЬ многочисленные стилистические погрешности и еще более многочисленные ошибки корректорского порядка.

⁸ См., напр., его «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов», ч. II, СПБ, 1909, стр. 296.